

Z. Guenchéva, J. Landaburu (éds). L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes. Louvain; Paris: Peeters, 2007. 8 + 433 p.

Рецензируемый сборник представляет собой продолжение сборника статей с тем же названием, вышедшего под редакцией Златки

Генчсвой в 1996 году (см. [Guenchéva (éd.) 1996]). В общем и целом можно сказать, что эта книга, как и первая ее часть, – «про эви-

денциальность» и входит таким образом в обширный круг работ последних десятилетий, описывающих эвиденциальные системы в отдельных языках или посвященных типологии эвиденциальности в целом. Здесь нет смысла останавливаться на истории вопроса; назовем лишь монографию [Aikhenvald 2004], которая подвела «промежуточный итог» этим исследованиям, обобщив то, что было известно про эвиденциальность на момент ее написания (заметим, что и большинство вновь появляющихся данных укладывается в изложенную там схему). В более узком смысле рецензируемая книга входит в ряд коллективных монографий, посвященных эвиденциальности в разных языках, — ряд, начатый известным сборником [Chafe, Nichols (eds.) 1986], продолженной упомянутой выше книгой [Guenchéva (éd.) 1996] и вышедшим недавно сборником [Храковский (ред.) 2007].

Есть, впрочем существенное «но». Значение термина «эвиденциальность» с самого начала колебалось между просто указанием на источник информации и эпистемическим статусом этой информации — иначе говоря, оценкой говорящим степени ее правдивости, причем именно второе употребление было, по-видимому, более ранним. А первым мы обязаны Р. Якобсону и его знаменитой статье про шифтеры 1957 г. (русский перевод — [Якобсон 1972]).

Смещение указания на источник информации и на эпистемический статус передаваемой информации вполне естественно: информацию, полученную лично, говорящий часто оценивает как более надежную, чем ту, которая попала к нему из третьих рук или путем логических умозаключений. В языках часто — хотя далеко не всегда — эвиденциальные морфемы используются и для выражения сомнения или, наоборот, уверенности в том, что говорится. Поэтому сейчас конкурируют скорее «узкое» и «широкое» понимание эвиденциальности: при узком понимании эвиденциальность — это только указание на источник информации¹, при широком — это более общая категория, включающая в себя и указание на источник информации, и оценку говорящим ее правдивости².

¹ Ср. формулировку А.Ю. Айхенвальд: «Evidentiality is a linguistic category whose primary meaning is the source of information... this covers the way in which the information was acquired, without necessarily relating to the degree of speaker's certainty concerning the statement of whether it is true or not» [Aikhenvald 2004: 3].

² Ср. хотя бы подзаголовок к упомянутому сборнику под редакцией У. Чейфа и Дж. Николс.

Рецензируемый сборник идет скорее по второму пути. Об этом, собственно, говорит уже его подзаголовок. В книге 1996 года такого подзаголовка не было, и это понятно: там в большинстве статей речь шла об эвиденциальных системах в узком смысле этого слова. Здесь же большое (вероятно, даже большее) место уделено именно эпистемическим маркерам, которые иногда указывают одновременно на источник информации, а иногда и нет.

Завершая эти терминологические пояснения, отметим, что в рецензируемом сборнике сам термин «эвиденциальность» почти не используется. Редакторы и большинство авторов предпочитают говорить о медиативе (к истории и обоснованию такого употребления см. предисловие З. Генчевой к первому сборнику [Guenchéva 1996: 11]) и, соответственно, об «*énonciation médiatisée*», буквально об «опосредованном высказывании». О том, чем плох термин «эвиденциальность», по крайней мере, во французском языке, см. в предисловии редакторов к рецензируемому сборнику (с. 3–5). Однако здесь речь идет лишь о франкоязычной терминологии; никакого содержательного различия между «эвиденциальностью» и «медиативом» не проводится. И, завершая терминологическое вступление, редакторы пишут: «Проблема отношения медиатива к источнику информации не проста... Одна из главных трудностей обусловлена тем, что различие между непосредственным и опосредованным знанием может пониматься как различие между источниками информации, а может — как противопоставление того, за что говорящий ручается, и того, за что нет».

Обратимся теперь собственно к статьям, содержащим сборник. Их, не считая предисловия, 18, и каждая посвящена системе эвиденциальных (в указанном выше смысле) маркеров в каком-то языке или в семье языков. 12 из них написаны по-французски, 6 — по-английски. Большинство посвящено языкам Южной Америки (Колумбии, Венесуэлы и Бразилии), одна статья — языку майя-юкатек (Мексика), три — кавказским языкам и одна — тюркскому (татарскому). Если в первом сборнике статьи были объединены в разделы на основе грамматического выражения эвиденциальности в данном языке (выражается ли он формой перфекта или каким-то другим способом), то здесь деление принято чисто географическое — по странам.

Учитывая, что языки Южной Америки, и вообще-то в большинстве своем малоизученные, в нашей стране известны особенно мало, знакомство со сборником превращается в увлекательное чтение всех статей подряд. Степень увлекательности, впрочем, не умень-

шается и в последнем, «российском» разделе книги.

Далее мы очень кратко охарактеризуем эвиденциальные («медиативные») системы, описанные в отдельных статьях.

Сборник открывается разделом о языках Колумбии, в который входят пять статей. Первая из них, написанная Жоном Ландабуру, посвящена языку-изоляту андоке, который располагает двумя отдельными системами аффиксов – эпистемической и собственно эвиденциальной. Собственно эвиденциальная включает два суффикса: инференциальный и для пересказа чужих слов (будем называть последнее значение репортативом, вслед за [Aikhenvald 2004]). Что же касается эпистемической системы, то она включает четыре префикса, которые маркируют информацию а) известную и говорящему, и слушающему; б) известную только говорящему; в) известную только слушающему; г) неизвестную ни тому, ни другому. В статье подробно описано, какие прагматические интерпретации приписываются этим четырем значениям. Отметим, что эпистемические и эвиденциальные аффиксы сочетаются друг с другом, что доказывает независимость этих двух значений в андоке.

Другому изолированному языку Колумбии, языку паэс, посвящена статья Тулио Рохас-Кюрье. В этом языке имеется обязательная категория «модальности высказывания», включающая в себя три граммемы: утверждения, неуверенности и вопроса. Помимо нее, существуют два суффикса временной дистанции, *-ki-* и *-ku-*, с довольно неожиданным распределением. Первый обозначает недавнее прошлое (не ранее того же дня), второй – более далекое прошлое. В применении же к будущему эти суффиксы выражают степень уверенности, причем первый – «недавний» – передает меньшую степень уверенности, а второй – «далекий» – большую (мы бы ожидали скорее, что информация о более близких к нам событиях должна была бы считаться более надежной, но здесь это не так). Наконец, еще два суффикса передают значения инференциальности и презумптива (последний означает, что говорящий предполагает, что событие имело или будет иметь место, на основе не фактов, но собственных умозаключений).

Восточная ветвь семьи тукано в литературе по эвиденциальности была прославлена знаменитой статьей [Barnes 1984] про язык туйука. В рецензируемом сборнике этой ветви целиком посвящена статья Эльзы Гомес-Имбер, однако ее материал показывает одно существенное и очень интересное отличие от системы, описанной Дж. Бернс (см. также

[Aikhenvald 2004: 60]): в нем нет презумптива (Э. Гомес-Имбер полагает, что он не относится к рассматриваемому кругу значений), зато в туйуко есть граммема со значением «видеть вдалеке», входящая в одну парадигму с граммемой визуального восприятия³, аудитивом, инференциалисом и репортативом. Как кажется, ранее в типологии эвиденциальности такое значение не отмечалось.

В гуамбиано (семья коконука; статья написана Беатрис Васкес де Луис) есть ряд маркеров, имеющих отношение к эвиденциальности. Во-первых, это четыре так называемых «терминальных суффикса»: для визуального восприятия, для не-визуального восприятия, для уточняющего вопроса (со значением «это точно так?») и для предположения, не основанного на видимых фактах. Помимо этого, есть нетерминальный суффикс *-ga-*, выражающий и инференциальность, и передачу чужих слов; а также вспомогательный глагол *trap*, маркирующий «обоснованное предположение». Наконец, ссылку на источник информации можно передать и с помощью глаголов «видеть», «слышать», «казаться» и т.п.

Язык каменца (еще один изолят; автор статьи – носитель языка Хосе-Нарсисо Хамией-Мучависой) имеет отдельную категорию, указывающую на то, принимает ли говорящий на себя ответственность за сообщаемую информацию (эта категория имеет соответственно два значения). Кроме этого, имеются два показателя: один – для ссылки на чужие слова; другой – для выражения адмидратива⁴.

В сикуани (группа гуахибо; автор статьи – Франсеск Кейшалос) эвиденциальные и эпистемические значения выражаются частицами: есть две инференциальных (одна из них предназначена только для тех умозаключений, которые сделаны на основе слуховой информации), для презумптива и для репортатива. Отдельную категорию (на чем настаивает автор) составляют частицы эпистемической оценки.

В карибском языке панаре (Венесуэла; статья написана Марья-Клод Маттей-Мюллер) различаются констатив и инференциалис, но только в перфекте⁵ – в других временах тако-

³ «Visual»; для этого термина нет принятого русского перевода.

⁴ Адмидратив – еще одна граммема, не входящая в «эвиденциальность» в узком значении этого термина, но часто объединяемая с ней и в грамматических описаниях, и в самих языках.

⁵ Вспомним перфект как источник эвиденциальных показателей во многих языках Евразии.

го противопоставления нет. Помимо этого, существует несколько клитик, маркирующих разные типы передачи чужих слов и возможных в сочетании со всеми временами глагола.

Шесть статей составляют раздел о языках Бразилии.

Еще в одном карибском языке – куйкуро (статья Бруны Франкетто) различаются презумптив, репортатив, констатив (личное восприятие события), а также имеется показатель, употребляемый в мифологических и исторических рассказах; автор полагает, что этот последний следует объединять не с репортативом, а с констативом, поскольку и тот, и другой передают информацию, которая не подлежит сомнению.

Язык бакайри (автор статьи – Таня Клемента де Соуза), также входящий в карибскую семью, не имеет специализированных эвиденциальных показателей. Слова других людей в нем передаются с помощью прямой речи; эти конструкции рассматриваются в статье. Помимо них, в бакайри есть показатель *-le*, который означает, что говорящий не ручается за истинность сообщаемой информации. Схож с бакайри в этом отношении язык-изолят тикун: Марилиа Факу-Соареш рассматривает на примере одного текста (рассказа о реальном событии, свидетелем которого рассказчик был в детстве) функции ряда эпистемических показателей.

Существенно богаче эвиденциальными значениями язык камайура (семья тупи-гуарани; автор статьи – Люси Секи). Специальные частицы обозначают событие, при котором говорящий присутствовал лично, и такое событие, о котором известно с чужих слов (причем этимологически это маркеры, соответственно, недавнего и отдаленного прошедшего времени). Существуют и специальные частицы для передачи чужих слов, с которыми говорящий эксплицитно не согласен. Также есть особые маркеры для инференциалиса, презумптива, аудитива и для информации, полученной визуальным путем. Представлен также адмиратив и ряд эпистемических частиц.

Сравнительный анализ 23 языков тупи-гуарани представлен в статье Аны Суэлли Арруды Камары Кабрал. Она рассматривает системы современных языков, в некоторых из которых представлены, помимо «обычных» значений репортатива и квотатива, также особые «мифологические» частицы (используемые при рассказывании мифов и исключаящие употребление любых других эвиденциальных частиц), а также частицы, означающие, что говорящий рассказывает о том, что он видел во сне. Многие из этих показателей возводятся на уровень праязыка семьи; для

других предлагается этимология (так, репортатив предположительно возводится к корню со значением 'говорить').

Маркус Майа пишет о языке каража (семья макро-же). Из эвиденциальных значений в нем представлен репортатив; эпистемические же значения выражаются множеством различных средств: помимо специальных маркеров «сомнения», используются и фокусные конструкции, и дирекционные показатели.

Очень интересная система представлена в языке юкатек (семья майя, Мексика; статья написана Уильямом Хэнксом). Известно, что эвиденциальные значения обычно образуют иерархию, на самом верху которой находится визуальная информация: она считается самой надежной, и соответствующая ей граммема часто бывает немаркированной. Здесь перед нами иная иерархия: на верху ее стоит тактильная информация, поскольку она предполагает самый тесный контакт с объектом, о котором идет речь: такой контакт предполагает обычно и визуальное его восприятие. Потом идет информация, воспринимаемая визуально, но издалека. В ту же парадигму входит маркер уверенности.

Далее переходим к кавказским и тюркским языкам, лучше знакомым российскому читателю (как и российскому автору). Раздел открывается статьей Бернарда Комри и Марии Полинской про цезский язык, в котором различаются два прошедших времени: «засвидетельствованное» и «незасвидетельствованное». Само по себе это различие кажется достаточно простым; однако проблему представляет употребление прошедших времен в сказочном нарративе, которые обязательно должны начинаться в форме незасвидетельствованного прошедшего, но потом говорящий может переключаться на «засвидетельствованные» формы. Авторы показывают, что употребление прошедшего засвидетельствованного здесь сходно с употреблением настоящего исторического для создания «эффекта присутствия».

В лакском языке, описанном в статье В.А. Фридмана, центральную роль играют не эвиденциальные, а эпистемические значения; однако и в нем есть способы маркировать инференциальность и пересказ чужих слов. Для этого используются формы глаголов 'казаться' и 'говорить' соответственно, но эти формы, очевидно, уже находятся в процессе грамматикализации.

В цахурском языке (статья Т.А. Майсака и С.Г. Татевосова) выражение эвиденциальных значений возможно лишь в серии аналитических форм с настоящим временем глагола «быть» – т.е. в перфекте, дуративе и проспективе. Для выражения эвиденциальности ис-

пользуется противопоставление «атрибутивных» и «неатрибутивных» форм, т.е. форм вспомогательного глагола с атрибутивным показателем и без него (во всех прочих аналитических и синтетических формах глагола атрибутивные и неатрибутивные формы практически синонимичны): атрибутивные формы выражают классический спектр эвиденциальных и близких значений, т.е. пересказ чужих слов, инференциальность, адмиративность, а также «дистанцирование» говорящего от сообщаемых фактов. Вторая часть статьи посвящена частице *jī*, значение которой, как показывают авторы, можно описать как «я узнал, что Р»; употребление этой частицы может давать прагматические эффекты, сходные с эвиденциальными и адмиративными.

Завершает сборник статья С.Г. Татевосова об эвиденциальности в мишарском диалекте татарского языка. В этом диалекте есть эвиденциальная форма перфекта, противопоставленная не-эвиденциальному претериту, а также аналитические формы с глаголом *i-* 'быть', который может стоять в двух формах: перфекта (с суффиксом *-kän*) и старого тюркского перфекта на *-meš* (бытийный глагол – единственный в татарском языке, принимающий этот суффикс). Аналитические формы возможны во всех трех временах. При этом перфект выражает обычный круг эвиденциальных значений, а аналитическое прошедшее с *ikän* – то значение, которое принято называть адмиративным. В настоящем и будущем временах конструкции с *ikän* передают все эвиденциальные значения, поскольку синтетической эвиденциальной формы нет. Что же касается конструкций с *imeš*, то их первичная функция – это передача чужих слов без указания, кому они принадлежат; в частности, слухов. Далее значение этих конструкций развивается в сознательное дистанцирование говорящего от передаваемой информации.

Подводя итог, скажем, что рецензируемый сборник статей посвящен двум областям значений, различным содержательно, но часто сближающимся в употреблении, – эвиденциальности (в узком смысле этого термина) и эпистемической оценке, и тому, как эти значения взаимодействуют в реальных языках. Большинство рассмотренных языков имеют и

эвиденциальные, и эпистемические показатели, при этом иногда (например, в андоке и сикуани) они могут сочетаться друг с другом, иногда (например, в юкатек) образуют единую парадигму. Ряд языков имеют только показатели одной из этих двух областей (эпистемические или эвиденциальные), однако их употребление создает эффекты, характерные для другой области.

Пожалуй, основным техническим недостатком рецензируемого сборника можно назвать «экономия» на глоссах в некоторых статьях. Отсутствие грамматической строки сильно затрудняет понимание примеров. Также не всегда легко найти указание на генеалогическую принадлежность описываемого языка. Впрочем, эти замечания касаются исключительно подачи материала и не умаляют содержательной ценности сборника, который значительно умножает наши знания как о типологии эвиденциальности, так и о способах выражения эпистемической оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Якобсон 1972 – Р.О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Храковский (ред.) 2007 – В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. ст. памяти Н.А. Козинцевой. СПб., 2007.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Barnes 1984 – J. Barnes. Evidentials in the Tuyuca verb // International journal of American linguistics. V. 50. 1984.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 – W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Guenchéva 1996 – Z. Guenchéva. Introduction // Z. Guenchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Guenchéva (éd.) 1996 – Z. Guenchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.